

УДК 82.091

**Сравнительно-сопоставительный анализ мотивной структуры романа
Э.М. Ремарка «Возвращение» и повести В. Некрасова «В родном городе»**

Олег Евгеньевич Похаленков

Смоленский государственный университет, Российская Федерация
214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: olegpokhalenkov@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается мотивная структура романа Э.М. Ремарка «Возвращение» и повести В. Некрасова «В родном городе». В ходе сравнительно-сопоставительного анализа выявляются ядерные и периферийные мотивы, движение которых помогает выделить сюжетобразующий мотив – отказа от приспособления – и выстроить фабулу в сюжет. Поскольку исследование проводилось на материале немецкоязычного и русскоязычного текстов, полученные выводы можно распространить на военную прозу вне национальной специфики.

Ключевые слова: Э.М. Ремарк; «Возвращение»; В. Некрасов; «В родном городе»; сравнительное литературоведение; композиция; мотивная структура.

Введение. Вопрос о ремарковских мотивах в творчестве Виктора Некрасова поднимался уже не раз. Едва ли не первым их отметил А.Т. Твардовский: «Вы не указываете первоисточник Некрасова. Но ведь это же ясно каждому. Я, имевший дело с этой рукописью, выгребал оттуда столько Ремарка и Хемингуэя, что страшно сказать» [3, с. 188].

Действительно, между повестью Некрасова «В родном городе» и романом Ремарка «Возвращение» прослеживается определенная «переключка»: Ремарк пишет о Первой мировой войне, Некрасов – о Второй мировой; в обоих произведениях рассказывается история возвращения к мирной жизни поколения солдат, пришедших с войны; героем выступает молодой солдат.

Л. Лазарев, близко знавший В. Некрасова, вспоминает: «Повесть “В родном городе” сильно долбили на конференции. Тогда на повести Некрасова опробовалась увесистая идеологическая дубина – “ремаркизм”, которая через пять лет будет лупить направо и налево талантливую молодую прозу. Некрасов, выступив на конференции, дал бой: “Упреки в ремаркизме я слышал давно, еще по поводу первой моей книги. Слышу я их и сейчас. Но есть ли какие-либо основания для проведения параллелей между “Возвращением” Ремарка и моей книгой? Кое-какие, пожалуй, есть. И тут и там война, и тут и там возвращение. Но война – вещь сложная. <...> И хотя война 1914 года не похожа на нашу Отечественную, а герои Ремарка – на наших солдат, что-то общее между ними, между их переживаниями, безусловно, есть”» [4, с. 25].

В сравнительном литературоведении принято говорить о прямом влиянии, если оно подтверждается словами самого автора. По выражению Некрасова¹, он «слыхом не слыхал, что такое социалистический реализм, боготворил Ремарка, а не Фадеева с Островским» [6]. Известный компаративист Диониз Дюришин отметил, что «проблема разграничения генетических связей и типологических схождений на практике вовсе не так проста, как может показаться на первый взгляд, потому что исследователь на каждом шагу сталкивается с их взаимоперекрещиванием и взаимосвязанностью» [2, с. 190].

¹ Следует отметить, что и после эмиграции Некрасов не отказался от своих слов: «Zuvor war meine sorgsam gehütete Mappe bei Twardowski gewesen (er empfahl das Manuskript der Zeitschrift), erhalten hatte er sie von Wladimir Alexandrow, dem bekannten Kritiker und Spassvogel, der die ganze Zeit dafür Stimmung machte: “Ein einfacher Offizier, Frontsoldat, keine blasse Ahnung davon, was sozialistischer Realismus ist... Sie sollten es unbedingt lesen!” Ja – Keine blasse Ahnung! Remarque hatte ich gelesen... <...> alle begeisterten sich damals für ihn» [8, с. 326].

Об актуальности для современного ремарковедения выбранной нами темы свидетельствует хотя бы тот факт, что она уже становилась предметом серьезного рассмотрения. В 2003 году вышла монография М. Пырвановой [9], в которой впервые затрагивалась проблема интерпретации мотивов произведений Э.М. Ремарка. Следует отметить, что основная цель работы Пырвановой – выделение мотивов и изучение их символики [9, с. 11]. Кроме того, в ней использована методика, отличная от нашей [9, с. 14]. Не умаляя достоинств вышеупомянутой работы, предлагаемый сравнительно-сопоставительный анализ позволит создать модель мотивной структуры произведения о жизни после возвращения с войны.

Материалы и методы. Исследование выполнено на материале романа Ремарка «Возвращение» («Der Weg zurück», 1931) и повести Некрасова «В родном городе» (1954) с помощью сравнительно-типологического и структурного методов с привлечением на разных этапах мотивного, тематического и образного анализа.

Обсуждение. В результате исследования выделены общие для обоих произведений мотивы²: встречи с родными, дружбы (фронтовой / мирного времени), возвращения, непонимания, разочарования, отказа от приспособления. Все вышеперечисленные мотивы являются фабульными, кроме мотива непонимания и разочарования, который занимает особое положение, так как является не фабульным, а сюжетообразующим. Он соответствует не внешним действиям героя, а характеризует его внутреннее состояние и отношение к происходящему. Этот мотив реализуется не в действии, а в оценке действия.

Сопоставим, как реализуются обозначенные общие мотивы в каждом из текстов. Построение мотивной структуры произведения рассмотрим с помощью ядерной модели общих мотивов. Движение мотива из периферийной зоны в ядро и наоборот будет свидетельствовать о его значимости для развития сюжета и роли в изменении сознания героя. Кроме того, на ядерное положение того или иного мотива указывает сопутствующая ему реализация мотива непонимания и разочарования. Таким образом, мы проследим выстраивание фабульных мотивов в определенную сюжетную линию, а с помощью сравнения реализации сюжетообразующего мотива непонимания и разочарования будет выявлена разница в восприятии послевоенной жизни на уровне построения мотивной структуры.

I. Мотивная структура будет рассмотрена с включением в анализ художественного мира произведений. В романе Ремарка выделяется несколько пространственно-временных сфер. Первая из них – «война». Она соответствует времени нахождения Эрнста Биркхольца на передовой. Вторая – «мирная жизнь» – его послевоенной жизни. Кроме того, в сфере «мирная жизнь» мы выделяем особый вид художественного пространства – пространство «иного», которое также будет проанализировано. Подобное разделение будет использовано и в дальнейшем при рассмотрении ядерной структуры.

Некрасов, в отличие от Ремарка, не вводит в повествование пространственно-временную сферу «война». Его повесть начинается именно с описания мирного времени – возвращения Николая Митясова в родной город.

Действие в романе Ремарка происходит в рамках двух пространственно-временных сфер. Он начинает свой рассказ с последних дней войны. Его герой приходит к мирному времени и самому возвращению, только перемещаясь, а главное – преодолевая пространственно-временную сферу «война», топоры и локусы внутри нее: фронт, госпиталь и др.

Данное отличие может иметь следующее объяснение. Война влияет и на мирную жизнь Эрнста Биркхольца: невольное сравнение мирного и военного времени приводит его к отрицанию настоящего. Некрасов не следует в этом за Ремарком. Изменение внутреннего мира его героя происходит через восприятие именно настоящего.

II. Мотив встречи с родными является общим для «Возвращения» и «В родном городе».

У Ремарка он ассоциируется с определенными константами – семья, очаг и т.д. – и локусом «родной дом». Биркхольц мечтал о возвращении домой, т.е. в прошлое, где он был счастлив. Однако этого возвращения не произошло, так как он уже не принадлежал к

² Под мотивом мы подразумеваем кратчайшую повествовательную единицу текста (А.Н. Веселовский), который называет мотив «простейшей повествовательной единицей, строящей сюжет» [1, с. 305].

прошлому, а существовал в рамках пространственно-временной сферы «война», которая его не отпускала и продолжала влиять на его мирную жизнь. По мере перемещения к локусу «родной дом» при помощи *мотива непонимания и разочарования* *мотив встречи с родными* выдвигается в ядро модели: «Как ни ломаю голову, ничего путного не приходит на ум. О фронтовых делах с штатскими, естественно, говорить не станешь, а другого я ничего не знаю»³ [7].

В повести «В родном городе» *мотив встречи с родными* ассоциировался с локусом «родной дом» и образом жены героя – Шурой. Николай возвращается в город и, придя в новую квартиру, случайно узнает об измене жены: «Николай подошел к столу. <...> “А это чье?” спросил Николай. “Что? Щеточки? Красная тети Шуры, а желтая дяди Феди. Нельзя ж одной щеткой чистить зубы, правда?” <...> Несколько минут Николай следил за мерно раскачивающимися фигурами, потом, не оборачиваясь, спросил, давно ли дядя Федя здесь живет. “Как давно?” удивился Вова. “Всегда. Мы из Уфы приехали, он уже жил...”» [5]. В этом фрагменте мы также обнаруживаем ядерное положение *мотива встречи с родными*. Его перемещение в ядро модели происходит посредством реализации *мотива непонимания и разочарования* (из-за предательства жены).

У Некрасова этот мотив изначально имел ядерное положение – повествование начинается именно с его визита в родной дом. У Ремарка он находился на периферии (во время нахождения героя на фронте), а после описания заключения мира и отправления солдат с фронта в Германию выдвигается в ядро.

Не испытав успокоения в кругу семьи, герои обоих произведений пытаются найти понимание у фронтовых друзей, так как подсознательно понимают, что те, скорее всего, испытали подобные чувства.

У Ремарка тема фронтового братства становится ведущей. Товарищи Ремарка – это такие же фронтовики, как и он сам. С ними его связывают и школьные годы: «Быстро, прыгая через две-три ступеньки, я сбегал вниз и толкаю дверь, горя нетерпением поскорее повидать товарищей»⁴ [7].

Образ фронтового друга Митясова Сергея отличается от образов фронтовиков Ремарка. Николай встречается с ним в пивной, куда приходит, узнав об измене жены. Совсем не «советская» у него и биография: в настоящем он спекулянт, в прошлом – летчик-герой. Кроме того, он инвалид по ранению на фронте: «Биография-то у меня кончилась. Так, мура какая-то осталась. А ведь летчиком был. И неплохим летчиком. Восемь машин на счету имел. И это за каких-нибудь десять месяцев, со Сталинграда начал. Был и комсомольцем, думал в партию вступать. А теперь что? Обрубок... Летать уже не буду, из комсомола выбыл. Мотаюсь по городам с какими-то чертовыми тапочками» [5].

У обоих авторов *мотив дружбы* находится в ядре, так как и у Ремарка, и у Некрасова он связан с *мотивом непонимания и разочарования*. Именно такие чувства герои переживают в процессе взаимоотношений со своими товарищами в рамках пространственно-временной сферы «мирная жизнь».

Определенные типологические схождения наблюдается в функционировании *мотива приспособления к мирному времени*. Оба героя возвращаются к учебе и пытаются найти себя, работая учителями в школе. У Ремарка: «Вот стою я перед вами, один из сотен тысяч банкротов, чью веру и силы разрушила война.<...> Вот стою я перед вами и чувствую, насколько больше в вас жизни, насколько больше нитей вас связывает с нею. <...> Вот стою я перед вами, ваш учитель и наставник. Чему же мне учить вас? <...> Чему я могу вас научить? Показать вам, как срываю кольцо с ручной гранаты и мечут в человека? <...> Кроме этого я ничего не знаю! Кроме этого я ничему не научился!»⁵ [7]. Как видно из фрагмента,

³ «So sehr ich mir auch den Kopf zerbreche, mir fällt nichts Rechtes ein. Von den Sachen draußen kann man mit Zivilisten nicht reden, und etwas anderes kenne ich ja nicht. “Ihr habt doch sicherlich hier viel mehr erlebt,” – sage ich entschuldigend» [10].

⁴ «Rasch springe ich die Treppe hinunter, immer drei Stufen auf einmal, und stoße die Haustür auf, begierig, zu meinen Kameraden zu kommen» [10].

⁵ «Hier stehe ich vor euch, einer der hunderttausend Bankrotteure, denen der Krieg jeden Glauben und fast alle Kraft zerschlug. – Hier stehe ich vor euch und empfinde, wieviel lebendiger und daseinsverbundener ihr seid als ich <...> hier stehe ich vor euch und soll euch nun Lehrer und Führer sein. Was soll ich euch denn lehren?» [10]

Биркхольц даже в мирное время, в классе перед учениками, не может не соотносить происходящее с категориями войны. Его взгляд на жизнь трансформировался: он не верит тому, чему должен учить своих учеников. Его представления о морали и чести изменились из-за предательства со стороны близких и государства, поэтому он не может сознательно вкладывать в умы учеников прежние представления.

Герой Некрасова рассуждает: «И вообще, какой ты, к черту, педагог? Учишь ребят гимнастике, а сам думаешь: вот этого ты уже не сделаешь, и этого тоже. Повел как-то раз ребят поглядеть на соревнования и еле до конца досидел, обидно стало... Двадцать пять лет человеку, а что впереди? Топчись на одном месте и радуйся, что хоть что-то от прежнего осталось. И так всю жизнь? Как старик певец какой-нибудь отпел свое, вот и принимайся за молодежь. Но тот хоть пел раньше хорошо, а ты? Нет, не то все это... Не то» [5]. Герой Некрасова, пытаясь приспособиться к действительности, старается найти смысл в своей работе, но под влиянием воспоминаний о войне и из-за нежелания возвращаться к прошлому герой пришёл к отрицанию действительности.

В обоих произведениях положение *мотива приспособления к мирному времени* в модели мотивной структуры зависит от действий героя и появления *мотива непонимания и разочарования*. По мере появления этого мотива, как было показано выше, *мотив приспособления к мирному времени* будет перемещаться в ядро или, наоборот, выдвигаться на периферию.

Отметим также общий для обоих авторов *мотив возвращения к прошлому*, который в дальнейшем будет переходить в *мотив невозможности приспособления к настоящему*.

У Ремарка *мотив возвращения к прошлому*, в первую очередь, связан с образами семьи и сослуживцев. При чем если семью герой отвергает сам, то отчуждение во фронтовом братстве возникает постепенно: сначала фронтовики держались сплоченно и следовали по инерции заведенному на фронте порядку, но с течением времени настоящее стало вмешиваться в их жизнь и менять социальные роли. Уважаемые на фронте солдаты в мирной жизни становятся безработными, а презируемые – богатыми коммерсантами. Подобное положение вещей заставляет героя чувствовать себя чужим и принять решение отказаться от приспособления к действительности: «Роли переменились. Вот сидит Боссе, ротный шут. На фронте был общим посмешищем, всегда строил из себя дурачка. Ходил вечно грязный и оборванный и не раз попадал у нас под насос. А теперь на нем безупречный шевитовый костюм, жемчужная булавка в галстук и щегольские гетры. Это – зажиточный человек, к слову которого прислушиваются...» [7]⁶.

Кроме того, герой возвращается к локусу из своего прошлого – городу, в котором он родился и вырос. Однако единственное, к чему он возвращается в действительности – это локус, который входит уже в состав другого топоса. Жизнь вокруг него заполнена людьми, которые, как и он, имели военный опыт и теперь, вернувшись, изменили мирную жизнь героя, трансформировали все то, что существовало до войны и к чему он хотел вернуться. Из-за несоответствий между ожиданиями и реальностью, которую герой не может принять, вокруг него возникает некий вакуум – пространство «иного».

Некрасов своего героя также пытается вернуть в довоенное прошлое. Вернувшись с фронта, Митясов попадает в семью старой киевской интеллигенции. Общение с Валентиной и ее мамой приводит героя к пересмотру моральных ценностей. Примечательно, что Некрасов в своей повести делает акцент на том, что не война стала причиной изменений внутреннего мира Николая, а обстановка в доме Острогорских.

Мотив возвращения к прошлому связан с женой Митясова Шурой. Приняв решение вернуться к ней, герой старается тем самым возвратиться к прошлой жизни – в пространственно-временную сферу «мирная жизнь», которую он на время покидал. В его отсутствие жизнь здесь развивалась в своём русле. Сфера «мирная жизнь» влияния войны не испытала, хотя на развитие в ней событий повлияло длительное отсутствие героя. Вернувшись, Митясов пытается приспособиться к быту: работает в ЖЭКе, затем учителем

⁶ «Alles ist vertauscht. Da ist Bosse, der Kompanieschussel, der stets verulkt wurde, weil er sich immer so dämlich anstellte; er war draußen schmierig und verludert, und mehr als einmal haben wir ihn unter die Pumpe gekriegt. Jetzt sitzt er zwischen uns in einem pikfeinen Kammgarnanzug, eine Perle im Schlips und Gamaschen an den Füßen, ein wohlhabender Mann, der das große Wort führt» [10].

физкультуры и т.д., возвращается к своим старым привычкам. Однако ничего из прошлого не приносит ему успокоение – он не может найти себя, потому что не может приспособиться: «Но не получилось это дружное, хорошее, прежнее. Ну вот, живут они в одной комнате, живут тихо и мирно, и Николай старается не думать о Вале. Но ведь все это не так, все это обман: и то, что они живут вместе, что это семья, и то, что он не думает о Вале...» [5].

Если у Ремарка причиной выдвижения в ядро *мотива возвращения к прошлому* были воспоминания о войне, невозможность жить с которыми в мирное время заставляла Биркхольца возвращаться в прошлое (*мотив невозможности приспособления к настоящему*), то у Некрасова этот мотив связан с отношениями с женой – Шурой. Возвращение к ней становится невозможным из-за изменения внутреннего мира героя.

Кроме того, Биркхольца после возвращения не ожидало ничего, кроме разочарования. В создавшихся условиях у него не оказалось возможности для действия – изменения обстоятельств, – а только для приспособления к ним. У Митясова же был выбор и возможность для действия – надежда на новые отношения и личностное развитие.

Мотив приспособления / отказа от приспособления у обоих авторов является ядерным и связан с попыткой найти себе место в настоящем. Кроме того, и у Ремарка, и у Некрасова он связан с моральным выбором.

В «Возвращении» Биркхольц сознательно отказывается быть частью настоящего: он ушел с доходного места сельского учителя, не согласился работать в частной фирме. Биркхольц сознает, что настоящее предлагает ему либо стать приспособленцем, как некоторые его фронтовые товарищи, либо покончить жизнь, как сделал его близкий друг Людвиг Браер. Осознавая все это, герой сознательно становится частью своего собственного пространства – пространства иного. Он живет в иллюзорном мире, мире Иного, то есть на перекрестке, пересечении двух пространственно-временных сфер – границы между ними нет. Вот как он сам объясняет свое существование: «Я бродил и бродил кругом, я стучался во все двери моей юности, я вновь хотел проникнуть туда, я думал: почему бы ей, моей юности, не впустить меня, – ведь я еще молод, и мне так хотелось бы забыть эти страшные годы. Но она, моя юность, ускользала от меня <...> Время зияющей пропастью легло между мной и моей юностью, мне нет пути назад, мне остается одно: вперед, куда-нибудь, куда – не знаю, цели у меня пока еще нет»⁷ [7].

Некрасов же заставляет своего героя пройти несколько этапов. После ухода от Шуры Николай поступает в университет, где обретает новых товарищей и занимает свои дни учебой. Желая уйти от действительности, он неожиданно сталкивается с ней в лице бывшего фронтовика и своего друга Чекменя, который склоняет Николая к безнравственному поступку. Поставленный перед выбором, герой неожиданно осознает, что на стороне Чекменя находятся многие такие же, как он, фронтовики: «Сидит сутками над иглой Вика и растворами. И никуда носа не сует. А мы суем. Вот в чем загвоздка. Мы таким, как Никольцев, мешаем, раздражаем их, мы им чужие. Понимаешь – чужие... – Кто это мы? – тихо спросил Николай. – Мы? – Алексей, сощурившись, посмотрел на него. – Мы, это мы, советские люди» [5]. Осознание себя промежуточным элементом заставляет его задуматься и понять отличие своего мировоззрения.

Заключение. Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

- 1) исключив пространственно-временную сферу «война» из своей повести, в остальном Некрасов следует за моделью мотивной структуры романа Ремарка;
- 2) несмотря на отсутствие пространственно-временной сферы «война», выделенные общие мотивы для обоих произведений имеют одинаковое ядерно-периферийное движение:
 - а) *мотив встречи с родными* занимает ядерное положение в произведениях обоих авторов и его выдвижение в ядро модели связано с реализацией мотива непонимания и разочарования героя в своих близких;

⁷ «Ich bin herumgelaufen und herumgelaufen, ich habe an alle Türen meiner Jugend geklopft und wollte wieder hinein, ich dachte, daß sie mich wieder aufnehmen müßte, weil ich doch noch jung bin, und es mir so sehr gewünscht hatte, zu vergessen – aber sie huschte vor mir davon wie eine Fata Morgana, sie zerbrach lautlos <...> Die Zeit steht dazwischen wie eine breite Kluft, ich kann nicht zurück, es gibt nichts anderes mehr, ich muß vorwärts, marschieren, irgendwohin, denn ich habe noch kein Ziel» [10].

б) *мотив дружбы* находится в ядре и также связан с мотивом непонимания и разочарования;

с) *мотив приспособления к мирному времени* имеет ядерно-периферийное положение, так как действия героя влекут за собой его перемещение внутри модели;

д) *мотив возвращения к прошлому* занимает периферийное положение, его кратковременное выдвижение в ядро продиктовано тем, что герой не может принять настоящее;

е) *мотив отказа от приспособления* занимает ядерное положение, так как формирует «иное» мировоззрение героя;

3) отличие мотивной структуры повести Некрасова проявляется в реализации *мотива возвращения к прошлому*. В «Возвращении» под влиянием войны изменилось и восприятие Биркхольцем жизненной ситуации, и то, что наполняет его «мирную жизнь». В повести Некрасова война изменяет только восприятие героем жизни, а на саму мирную жизнь влияют его действия в новом для него художественном пространстве.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке в форме гранта DAAD и Министерства образования и науки Российской Федерации по программе «Иммануил Кант».

Примечания:

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и примеч. В.М. Жирмунского. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2004.

2. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы: пер. со словац. / предисл. Ю.В. Богданова. М.: Прогресс, 1979.

3. Кондратович А.И. Новомирский дневник, 1967-1970. М.: Советский писатель, 1998.

4. Лазарев Л.И. Записки пожилого человека: Книга воспоминаний. М.: Время, 2005.

5. Некрасов В.В. родном городе. URL: <http://lib.ru/PROZA/NEKRASOW/deartown.txt> (дата обращения: 09.11.2013).

6. Некрасов В. Трагедия моего поколения: «В окопах Сталинграда»: до и после: [очерк «Через 40 лет»] / текст подг. А. Парнис // Литературная газета. 1990. 12 сентября (№37). С. 15.

7. Ремарк Э.М. Возвращение. URL: <http://lib.ru/INPROZ/REMARK/return.txt> (дата обращения: 05.03.2014).

8. Nekrassow V. Vierzig Jahre danach // Stalingrad. Mit dem Nachwort des Autors zur russischen Ausgabe 1981 im Possev-Verlag, Frankfurt am Main. Aus dem Russchen von Alfred Frank. Berlin: FAB, 1992. S. 326.

9. Parvanova M. «... das Symbol der Ewigkeit ist der Kreis». Eine Untersuchung der Motive in den Romanen von Erich Maria Remarque. Berlin: Tenea, 2003.

10. Remarque E.M. Der Weg zurück. URL: <http://fb2.mbookz.ru/index.php?id=8971> (дата обращения: 05.03.2014).

UDK 82.091

Comparative and Contrastive Analysis of Motion Structure of the Novel ‘The Road Back’ by E.M. Remarque and the Story ‘V Rodnom Gorode’ by V. Nekrasov

Oleg E. Pokhalenkov

Smolensk State University, Russian Federation
214000, Smolensk, Przhhevsky street, 4
Dr. (Philology), Assistant Professor

Abstract. The article considers the motif-structure of the novel «The road back» by E.M. Remarque and the story by V. Nekrasov «In the hometown». During the comparative analysis nuclear and peripheral motifs were depicted and highlighted. The description of their movement helps to find out the plot-motif and to build the plot-line. As the analysis was based on the material of German and Russian texts, the results may be extended to military prose, as such, outside the national specifics.

Keywords: E. M. Remarque; «The Road back»; V. Nekrasov; «In the hometown»; comparative literature; composition; motif-structure.